

УДК 821-133.1-053.2
ББК 84(4Фра)
А84

Автор обложки Екатерина Песчанская

Арру-Виньо, Жан-Филипп.

А84 Магнус Миллион и Спальня кошмаров : [для сред. и ст. шк. возраста : 12+] / Жан-Филипп Арру-Виньо ; пер. с фр. Иры Филипповой ; [авт. обл. Екатерина Песчанская]. – М. : КомпасГид, 2018. – 288 с. – Доп. тит. л. фр.
ISBN 978-5-00083-425-1

Дзынь! Дзы-ы-ынь! Кто угодно проснётся от жуткого перезвона двенадцати будильников, но только не Магнус Миллион! Этот рыжий парень страдает сонной болезнью, а скучный день в Гульденбургском лицее — не лучший повод для подъёма. 14-летнему сыну богатейшего человека Сильвании, владельца заводов, шахт, газет и крупнейшего банка, — зачем Магнусу вообще покидать шикарный дворец?

Дзззззы-ы-ынь! ДЗЫ-Ы-ЫНЬ! Затем, что он вот-вот пропустит итоговую контрольную! Строгий отец не сделает никаких поблажек и за опоздание не похвалит. А мальчишка смотрит удивительный сон, в котором филин Тотем сражается с трёхглавым псом... 14-летний герой ещё не подозревает, что такой кошмар может стать реальностью.

ДЗЗЗЫ-Ы-ЫНЬ!! Беги, Магнус Миллион, беги! Через пять минут начнётся не просто очередная контрольная, а грандиозное Приключение. Впереди — неожиданные знакомства, загадки, монстры из другой вселенной и даже самый настоящий заговор! Мог ли робкий парень представить, что превратится в детектива? До знакомства с грубоватым Антоном Спитлом и капризной Мимси Покет — нет. Только не спи, Магнус Миллион!

Французский писатель Жан-Филипп Арру-Виньо (родился в 1958 году) известен в России как автор юмористической серии «Приключения семейки из Шербура», вышедшей в издательстве «КомпасГид». Книга «Магнус Миллион и Спальня кошмаров» уже не автобиографическая, но такая же богатая замечательными персонажами и смешными историями — теперь с примесью фантастики.

УДК 821-133.1-053.2
ББК 84(4Фра)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published as “Magnus Million et le dortoir des cuachemars”

© Gallimard Jeunesse, 2011

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

ISBN 978-5-00083-425-1

Патрисии, как всегда

Орельену и Камилле

*Орели, которая на каждую мою книгу
взирает взглядом мудрой птицы богини Минервы*

Эта история началась, когда колокола Гульденбургского лица пробили полночь.

Именно в полночь филин по кличке Тотем пускается в полёт вокруг лица. Он стартует ровно с двенадцатым ударом. Тотем уже совсем старик и никогда не нарушает давно устоявшегося чёткого распорядка. Я хотел было написать, что распорядок у него такой же чёткий, как у кукушки, живущей в часах, но Тотему, властителю ночной жизни, это сравнение вряд ли пришлось бы по душе.

С седеющим оперением и косматыми бровями, он, без сомнения, самый старый из всех обитателей лица. За добрые полвека филин изучил вдоль и поперёк все здешние крыши (шестьдесят семь штук, если быть точным), все колоколенки и башни. Да и в парке с его столетними деревьями для Тотема давно уже нет ничего таинственного.

Что же до имени филина, то никто не знает, откуда оно взялось¹. Возможно, произошло от поросшего мхом герба, украшающего фронтон главного входа. На гербе изображён филин: широко раскинув крылья, он держит в когтях ленту с девизом лица: «Et nunc erudite».

Переводится это примерно так: «А теперь учитесь!»

Да ведь тем, кто приходит сюда, ничего другого и не остаётся! Девиз будто нарочно написали на латыни, чтобы он внушал страх и почтение ученикам, впервые переступающим этот порог.

¹ В верованиях некоторых народов тотемом называют животное (реже — растение), наделённое магической силой. Считается, что это животное или растение было родоначальником племени или народности, поэтому его чтят как священное и поклоняются предметам с его изображением. Тотемы стали прообразами гербов: в геральдике многих кланов и народов использовались (и используются до сих пор) образы священных животных.

Но сейчас, когда в морозном воздухе звенит отголосок последнего удара бронзового колокола, лицей кажется пустым. Почти мёртвым. В окнах интерната, расположенного в северном крыле, не видно ни огонька. И в главном здании, где находятся комнаты директора и учителей, тоже ни шороха, полный покой.

Снег, бескрайним войлочным покрывалом лежащий на крышах, приглушает всякий звук и мягко мерцает в лунном свете, отчего все домики и башенки лицея кажутся начерченными на белом листе бумаги.

Тотем балансирует на карнизе здания и пристально всматривается в даль. Его круглые жёлтые глаза моргают в черноте ночи, как глаза механической куклы. Немалых усилий стоило ему покинуть своё тёплое логово под лицейской крышей.

На горизонте, над промышленным комплексом, разлит по небу странный зеленоватый свет. Угроза войны, нависшая над страной, заставляет заводы работать круглые сутки, и теперь день и ночь в воздухе стоит туман и запах серы.

Тотем вздрагивает. Он терпеть не может зиму: зайцы почти не высовываются, мышей не найдёшь, впору клюв положить на полку. Зима — не лучшее время для филинов. Правда, дни зимой короткие, это очень выручает птиц, которые ведут ночной образ жизни и по природе своей вечно голодны. Но вот ведь какое дело: с возрастом Тотема стала мучить бессонница. Сна ни в одном глазу!

Большое везение, если, вернувшись с долгой ночной охоты, ему удаётся забыть про пустой желудок и уснуть хоть на несколько секунд. Но именно в этот момент старшему наставнику интерната непременно придёт в голову что есть сил ударить в утренний колокол или же грузовик молочника с оглушительным грохотом радостно ворвётся во двор. Тотем тогда испуганно просыпается, сваливается со своего насеста, бешено колотит крыльями и сыплет такими отборными ругательствами, что преподаватель этики и нравственности содрогнулся бы от ужаса, понимай он хоть самую малость язык филинов. Теперь до глубокого вечера лицей

будет ходить ходуном от криков учащихся, грохота дверей и скрежета стульев, которые шумно двигают по полу классных комнат.

И всё, день загублен, больше Тотему уже не уснуть. До самой ночи будет он маяться в своём логове, с завывающим от голода желудком, зевая и кляня судьбу, которая сделала его самым старым обитателем Гульденбургского лица.

Вы спросите — зачем же было на склоне лет селиться под крышей старого образовательного заведения? Но дело в том, что Тотем всегда жил здесь. И менять ничего ему не хочется. Он любит свой пыльный амбар, просторное чердачное помещение, заваленное старыми учебниками, сборниками латинских выражений, словарями с оторванными обложками, тетрадками по геометрии, исписанными фиолетовыми чернилами. Тотем обустроил себе тёплое укрытие меж шатких деревянных опор: правда, оно готово обрушиться от малейшего чиха или неловкого взмаха крылом, но зато здесь, среди запахов старой бумаги, миндаля и высохшего клея, никто его не отыщет. Только он один знает, как попасть сюда по лабиринту чердаков, и никому не придёт в голову беспокоить его здесь.

Круглое слуховое окно служит Тотему входной дверью. Через него он выскальзывает наружу и слетает, как по горке, по обледенелому скату крыши к самому водосточному жёлобу: здесь он занимает позицию и принимается ворчать на зиму, из-за которой, весьма вероятно, опять придётся вернуться домой ни с чем.

Но эта ночь была совсем не похожа на остальные.

Как только последнее эхо последнего полночного удара растворилось в воздухе вокруг лицейской колокольни, до слуха старого филина донёлся едва различимый шум.

Хр-р-р... Хр-р-р...

Хруст? Шелест?

Хр-р-р... Хр-р-р...

Тотем наострил свои и без того стоящие торчком уши.

Хр-р-р... Хр-р-р...

Хоть мягкий снег и смягчал шаги подобно домашним туфлям, обмануть чутьё старика Тотема ему было не под силу. По аллеям парка определённо что-то двигалось, осторожно, маленькими выверенными скачками...

Хр-р-р... Хр-р-р...

Землеройка? Полёвка? А может, и того лучше: нежнейший новорождённый крольчонок, неосмотрительно покинувший свою норку? У Тотема слюнки потекли от предвкушения, а сердце заколотилось в предчувствии долгожданного пира.

Расправив онемевшие крылья, он нырнул с крыши и полетел над самыми верхушками деревьев, даже слегка касаясь их, неслышный и незримый, словно призрак.

Хр-р-р... Хр-р-р...

Тотем облетал парк небольшими концентрическими кругами. Его внимательный взгляд острым ножом врезался в самую гущу деревьев и кустов. Он ощущал себя невидимым и следил за тем, чтобы его собственный запах смешивался с запахом густых ветвей. Его внутренний радар был включён на максимальный уровень чувствительности. Эта добыча от него не уйдёт! Малейшее движение наглеца — попытка бегства или, наоборот, оцепенение — и Тотем безжалостно пустит в ход острые клюв и когти.

Хр-р-р... Хр-р-р...

Однако это неосторожное существо оказалось хитрее, чем мог предположить старый филин: оно семенило, укрывшись от острых глаз, перепрыгивало из одного куста в другой и между этими скачками надолго замирало. Как будто бы можно обмануть хищную птицу, которая уже несколько недель ничего не ела! Чтобы обнаружить свою жертву, Тотему достаточно было всего-навсего проследить за её крошечными следами, которые она оставляла на нетронутом белом снегу парка — как дети проводят пальцем по строчке в книге, которую читают.

След заканчивался под нижними ветвями столетнего вяза. От этого дерева до соседнего — добрых десять метров, быстро прикинул филин. На таком расстоянии ни одному грызуну от него

не уйти. Нужно всего лишь дождаться, пока этот недоумок высунет мордочку из-под ветвей. Тотем сбавил скорость, начал постепенное снижение, и стук сердца принялся отсчитывать секунды, остающиеся до встречи с добычей.

Гордыня? Неосмотрительность старого филина, который с годами совсем забыл об осторожности? За всё время, что он царствовал в парке Гульденбургского лицея, у Тотема никогда не было настоящего соперника. Его когти внушали уважение даже самым большим смельчакам, а мудрость и опыт охлаждали пыл даже самых дерзких выскочек. Никому и в голову не приходило иметь с ним дело.

И всё же сейчас по следу шёл ещё один охотник. Он был намного крупнее филина и выглядел гораздо более жутко, к тому же обладал сверхъестественной способностью передвигаться совершенно бесшумно.

Никто не видел, как он пробрался в парк, в головокружительном прыжке перескочив через ограду. Он не оставлял следов на снежном покрове аллеи. Лишь внимательный наблюдатель (что едва ли мог очутиться здесь среди ночи, к тому же в такой мороз) заметил бы на ветках развешанные подобно обрывкам паутины фосфоресцирующие нити слюны, которые чудовище роняло на бегу.

Не осознавая грозящей ему опасности, Тотем готовился к нападению.

Хр-р-р... Хр-р-р... Ну наконец-то: его обед высунулся из-под дерева. Это и в самом деле был крольчонок, нежный пушистый комочек, который пыхтел в снегу, пожёвывая мёрзлую травку. Возможно, в своей шубке цвета снега он ощущал себя невидимым?

Вдруг несчастная зверушка ошарашенно застыла, потому что сверху на неё упала чёрная тень.

Это Тотем бросился вниз, сложив крылья и выставив вперёд свой хищный клюв.

Он уже собирался вонзить когти в хрупкий хребет добычи, как внезапно остановился. Что-то не так. Тревога! Тревога! Сигнал к отступлению! Смертельная угроза!

В то же мгновение тишину парка разорвал яростный вопль. От этого сиплого крика кровь стыла в жилах — казалось, будто он вырывается не из одной, а из сотни глоток одновременно.

Перья Тотема встали дыбом. Рефлекс самосохранения заставлял отчаянно бить крыльями, пытаясь остановить падение.

Напрасно. Тварь, явившаяся неведомо откуда, уже настигла его. Это была собака. Бульдог или боксёр. Невероятно громадная, чёрная, как сажа. С грудью, блестящей от слюны, мерцающей в голубоватом свете луны.

Говорят, в последние секунды перед смертью время словно останавливается. У филинов тоже так. Тотем смотрел и видел, будто в замедленной съёмке, как огромная извергающая пену пасть заглатывает застывшего от ужаса крольчонка, слишком крошечного для подобной глотки.

На долю секунды в старом филине вспыхнула надежда: воспользоваться этой заминкой, чтобы спастись!

Только он не учёл второй пасти, которая в это мгновение кляцнула у него за спиной.

Да-да, вторая, как бы ни было странно об этом говорить. Не одна, а две, то есть нет, погодите: целых три головы венчали тело этого чудовища, явившегося из преисподней.

Последним отчаянным рывком Тотем увернулся от второй пасти. Ему удалось спастись? Нет. В ту же секунду с чудовищным хрустом захлопнулась возникшая из ниоткуда третья пасть.

В парке старого лица вновь воцарилась мёртвая тишина.

Внутри никто и ухом не повёл. Ни в окнах северного крыла, ни в спальнях преподавателей не мелькнуло ни огонька. Разве что кто-нибудь с бурчанием перевернулся на другой бок, словно сражаясь с дурным сном, мелькнувшим перед глазами, когда раздался последний вопль чудовища.

В парке, в дуплах и норах в ужасе прижались друг к другу землеройки, белки, кролики и полевые мыши, вырванные из зимней спячки этим бешеным криком.

Криком ярости и разочарования, который испустили одновременно все три глотки.

Что за тварь способна на такой вопль? Никто не рискнул высунуть мордочку из норки, чтобы это узнать.

Впрочем, вся сцена длилась лишь долю секунды — как любой ночной кошмар. И после неё осталась лишь кучка окровавленных перьев на снегу.

1. ДВЕНАДЦАТЬ БУДИЛЬНИКОВ МАГНУСА МИЛЛИОНА

Давно пора познакомить вас с главным героем этой истории.

Его зовут Магнус. Ему четырнадцать. Пока нам видны только взлохмаченные рыжие волосы, которые невозможно расчесать, и рука в полосатой пижаме. Всё остальное спрятано под толстой вышитой периной, поднимающейся и опускающейся в такт его храпу. Вокруг в полумраке тикают и побрякивают двенадцать будильников, которые ровно через минуту и десять секунд затрезвонят дружным хором.

Если бы Магнус знал, в какие приключения вот-вот отправят его эти двенадцать будильников, он бы ни за что не стал просыпаться. Ведь он совсем не герой. По общему мнению, это самый обыкновенный мальчишка. Покрупнее и посильнее других. Без сомнения, очень-очень крупный и очень-очень сильный для своего возраста. А ещё — очень-очень богатый. Кажется, даже имя — Магнус Миллион — обещает ему самое грандиозное будущее.

Но пока Магнус Миллион — мальчик стеснительный, более того — редкостный трус. Что никак не сочетается с таким величественным именем и образом будущего героя.

А ещё он большой любитель поспать и спит всегда так крепко, что по утрам ему никак не обойтись без двенадцати будильников.

Будильники разных форм и размеров расставлены по всем углам: круглые, овальные, квадратные и даже одни старинные часы с кукушкой и скрипучим механизмом, которые висят на стене над письменным столом... Почти все достижения города Гульденбурга

в сфере производства будильников (а Гульденбург — столица страны, славящейся точностью своих часовых механизмов) несут караул у постели юного Магнуса Миллиона.

Двенадцать будильников, которые тикают слаженным хором, будто двенадцать крошечных бомб, готовых взорваться.

Сегодня четверг. Опаздывать категорически нельзя, потому что сегодня в Гульденбургском лицее начинаются итоговые контрольные первого триместра.

Ещё двадцать три секунды... Но уже сейчас где-то в углу самый первый будильник (антикварный экземпляр в металлическом корпусе) нетерпеливо прокашливается. Все пружины напряглись и задержали дыхание, будто ни одна не решается выскочить первой.

Двери деревянного домика открылись, и кукушка вот-вот появится в окошке. Честно говоря, последняя фраза — метафора. На самом деле птица из часов давным-давно потерялась. Но Магнус всё равно очень дорожит ими. Ведь это подарок мамы, которой не стало, когда ему было семь. И выбросить часы без кукушки означало бы навсегда расстаться с воспоминанием, зашвырнув его за тридевять земель — окончательно и бесповоротно.

Ровно в семь утра раздаётся скрипучая мелодия, которую тут же перекрывает трезвон остальных одиннадцати будильников, будто все они одновременно открывают огонь.

ДЗЫНЬ!!

ТРРРР!!

КУ-КУ! КУ-КУ!!

Будильники гудят, дребезжат и голосят. Будто каждый решил во что бы то ни стало перекричать соседа.

Растерянное лицо Магнуса высовывается из-под толстого одеяла. Он несколько раз моргает, лихорадочно нащупывает ближайший будильник и пытается разнести его ударом кулака, но промахивается мимо ночного столика и летит лицом вниз на прикроватный коврик.

К сожалению, падает он с недостаточно большой высоты. Будь кровать повыше, от удара об пол он бы проснулся, а так всего лишь

зябко сворачивается калачиком и под звуки кульминационного крещендо двенадцати будильников, способного поднять и мёртвого, немедленно засыпает снова, обняв подушку, которую, падая, прихватил с собой...

Магнус Миллион — единственный человек на свете, способный выдержать испытание двенадцатью будильниками.

Возможно, именно из-за этого его и сослали в самый дальний конец дома. Особняк Миллионов — одно из самых шикарных строений во всём Гульденбурге и к тому же одно из старейших. В здании не меньше сорока трёх комнат — многовато для мальчика, его отца и кучки прислуги.

Что делать с такой прорвой комнат, высокопарно именуемых «спальнями друзей»? Друзей у Миллионов нет уже несколько поколений. Если сюда кто и заглядывает, то лишь почётные гости, банкиры, послы или главы государств, с которыми отец Магнуса подписывает выгодные контракты. Но друзей, в том смысле, который мы вкладываем в это слово, тут не бывало с тех пор, как умерла хозяйка.

Вот Магнус и живёт в неотопливаемой части дома, которая отведена для гостей, вдали от комфортабельных покоев отца. Здесь тянется бесконечная анфилада сырых комнат с высокими потолками и одинаковыми вытертыми коврами. Над головой висят пыльные люстры, в которых перегорела половина лампочек. Комнаты отличаются друг от друга только цветом старых обоев (тут — бледно-голубой, там — блёкло-лиловый) да портретами предков над камином.

Магнус — мальчик дико неаккуратный и чудовищно ленивый. Поэтому, вместо того чтобы привести свою комнату в порядок (в конце концов, за него это вполне могли бы делать горничные), он предпочитает её менять: например, когда грязной одежды на кровати скапливается так много, что она начинает сваливаться на пол, или когда становится невозможно поставить ногу на паркет, не наступив при этом на какой-нибудь хрупкий предмет.

По крайней мере, раньше он поступал именно так. Теперь же ему выделили одну-единственную комнату, в которой он обязан наводить порядок не меньше одного раза в неделю, до того как к нему явится с инспекцией госпожа Карлсен, кухарка и гувернантка Миллионов, которая взвалила на свои плечи почти непосильную задачу — воспитать этого насквозь испорченного и избалованного мальчишку.

Но тут нужно сделать примечание: избалованным Магнус был только в материальном отношении. Когда тебе четырнадцать, ни дом из сорока трёх комнат, ни горничные, ни кухарка, которая готовит по утрам завтрак, не заменят материнской любви и общения с отцом.

Рикард Миллион, отец Магнуса, уже целый час как вышел из дома. Как всегда по утрам, шофёр доставил его в клуб: здесь господин Миллион курит неизменную толстую сигару и поглощает английский завтрак, разложив перед своим колоссальным пузом свежие газеты.

Магнус был бы страшно удивлён, если бы ему рассказали, что некоторые отцы играют со своими детьми. Или что других мальчишек отцы порой берут на футбольный матч, а ещё (это уж совершенно уму непостижимо) иногда они вместе смеются!

Для Магнуса отец — это важный человек, вечно занятой и почти невидимый, кому по пятницам дворецкий подаёт на подпись обёрнутый в кожаную обложку дневник сына.

В воскресенье — по традиции это семейный день — Магнус с отцом единственный раз в неделю обедают вдвоём, сидя на разных концах стола — настолько длинного, что на нём пришлось установить телефон.

Благодаря этому аппарату иногда они ведут настоящие семейные беседы:

- Алло, папа?
- Гм-хрм...
- Вы не могли бы передать мне соус, если это вас не затруднит?
- Хл-блрп...

— Благодарю вас.

Они оба берут на эти семейные обеды что-нибудь почитать: Рикард Миллион — захватывающие биржевые сводки, а его сын — какие-то чудные книжки из библиотеки госпожи Миллион, к которым после её смерти никто, кроме него, не притрагивается.

— Выдуманнные истории, — пожимает плечами Рикард Миллион, — вместо того чтобы извлекать пользу из бухгалтерских книг или каталогов оружия компании «Миллион»! Прости за прямоту, Магнус, но ты унаследовал от матери её худшие черты...

Он точно ничего не понимает в детях. А ещё меньше — в себе самом.

Иногда он, кажется, вообще забывает, что они с сыном живут под одной крышей. Однажды ночью они оба одновременно встали попить воды и столкнулись друг с другом посреди холодной кухни.

— Кто вы? — рявкнул господин Миллион, отступая на шаг.

— Это я, отец. Магнус...

— Магнус? — переспросил Миллион-старший.

— Отец, ну что вы! Это я, ваш сын!

— Сын? — пробормотал родитель. Тут он заметил, что они оба одеты в одинаковые шёлковые пижамы. Это его убедило. — Да-да, конечно... Очень приятно! — Он протянул ему вялую со сна руку и вежливо добавил: — Разрешите представиться: Рикард Миллион — хозяин этого дома.

Теперь вам будет проще разобраться в событиях, которые вот-вот произойдут.

Если бы Магнус не был предоставлен самому себе в огромном доме, где запросто разместился бы полк солдат, он бы в то утро не продрал осоловевшие глаза в 8 часов 27 минут, наконец разбуженный холодным сквозняком, дующим по полу.

Ночью ему приснился страшный сон, подробностей он не помнил, но сон всё равно вертелся в голове.

Магнус оглушительно чихнул, потом ещё раз — и окончательно проснулся. Катастрофа! Контрольная! Ровно через тридцать три минуты он должен быть в лице.

— Чёрт-перечёрт!

По счастью, мальчики его возраста почти не моются. Через минуту Магнус уже натянул вчерашнюю одежду, пригладил холодной водой несколько вихров и с зубной щёткой во рту шнуровал ботинки.

— Торт-переторт! — повторил он, плюясь зубной пастой.

Надо успокоиться, он это знал, нельзя поддаваться панике. перевозбуждение действует на него очень необычно, о чём мы расскажем потом, когда будет время. А пока включён обратный отсчёт. Тридцать минут с хвостиком. Этого очень мало, особенно если учесть, что Магнус никак не может выйти из дома с пустым желудком.

Он бросился на кухню, изо всех сил нажимая на педали. Да-да, педали, несмотря на строжайший запрет госпожи Карлсен, которая просто отстала от жизни, ведь велосипед, как бы он её ни сердил, единственное удобное средство передвижения в доме с сорока тремя комнатами и бесконечными коридорами.

Велосипедные шины оставляли кошмарные чёрные следы на натёртом до блеска паркете. Последняя пробуксовка, и Магнус бросил своего коня в холле, а сам ворвался в кухню, где его ждало разочарование: овсяная каша безнадёжно остыла, а шоколад в кружке покрылся толстым слоем молочной пенки.

— Сейчас разогрею, — вздохнула госпожа Карлсен, которая терпеть не может непредвиденных обстоятельств и беспорядка у себя на кухне.

— Некогда! — бросил Магнус и окунул губы в чашку. — Через двадцать три минуты контрольная!

Он спешно придумывал план. Трамвай? Слишком медленно. Велик? Слишком много снега. Ну а про то, чтобы идти пешком...

— Двадцать три минуты? Ни за что не успеешь!

Госпожа Карлсен была замужем за здешним шофёром. Но на его помощь рассчитывать не приходилось: в эту минуту Леонард

Карлсен надраивал кузов лимузина у входа в Ричмен-клуб, дожидаясь, пока хозяин доест последнюю английскую булочку.

Нужен другой способ, но какой?

Внезапно Магнуса озарило. И как он сразу не подумал? Времени, конечно, оставалось совсем мало, но почему бы не попробовать!

— Надеюсь, у тебя на уме никаких глупостей? — Кухарку напугал решительный вид мальчика.

— Не бойтесь, госпожа Карлсен, я успею, слово Магнуса!

Эти слова едва ли успокоили добрую женщину: за годы службы у Миллионов она изучила Магнуса как свои пять пальцев. Бессмысленно пытаться его урезонить, если он принял решение.

— И как же ты намерен добираться?

— На драконе, госпожа Карлсен! — провозгласил Магнус, бросив торжествующий взгляд на кухарку и её скептическую физиономию. — Да-да, на драконе!

С этими загадочными словами он звонко поцеловал госпожу Карлсен в лоб, изрядно перепачкав какао её безукоризненную причёску.

— Съешь хотя бы бутерброд!

Но было уже поздно.

Дверь за Магнусом хлопнула так, что у бедной госпожи Карлсен подкосились ноги, а тарелки, медная утварь и банки с вареньем задребезжали, будто началось землетрясение.

С детства Магнус Миллион не умел рассчитывать силу (и это не самый большой его недостаток).

2. ДРАКОН

Как назло, первое утро итоговых контрольных в Гульденбургском лицее выдалось на редкость холодным. Всю ночь морозило, и теперь карнизы домов украшали гирлянды сосуллек. Снег на тротуарах схватила ледяная корка, и спешащие на службу деловые люди в каракулевых шапках и воротниках были похожи на участников соревнования по конькобежному спорту.

Магнус с болтающейся за спиной школьной сумкой ввернулся в гущу толпы, как нападающий в хоккее. От бега щёки его покраснелись, а лёгкие наполнились обжигающим морозным воздухом. Те, кто попадаетея ему на пути, пускай пеняют на себя: никому ещё не удавалось остановить летящие к цели восемьдесят килограммов Магнуса Миллиона!

Никому, кроме призрачного силуэта Дракона, что маячил среди голых деревьев парка, сразу за городской стеной.

Магнус невольно замедлил шаг. Дракон выглядел ещё ужаснее, чем в его воспоминаниях. В утреннем тумане, застилавшем парк, петли и изгибы старого аттракциона казались скрюченным телом чудовища из ночного кошмара, зависшим над городом.

Тем, кто, как Магнус, терпеть не может американские горки и прочие дьявольские машины подобного толка, Дракон тоже показался бы настоящим чудовищем.

«Самая длинная трасса в Европе! — сулила кроваво-красная вывеска над кассой. — Смертельный спуск! Незабываемое приключение!»

Триста метров металлических рельсов головокружительными петлями спускались к Нижнему городу... Шестьдесят три витка,